

Князь Чэн недоумённо моргнул. Что с того, что это правило? Ведь он уже был в его доме? Император Шэндэ, услышав это, понял, что у старика есть свои причины, и великодушно улыбнулся.

— Лекарь Ван, не нарушай семейное правило ради меня. Младший девятый, не дави на него. После выхода из дворца не держи его в своём доме. Отправь его обратно или помоги открыть клинику в столице.

— Старший брат! — князь Чэн заволновался. — Что происходит? Старик уже давно жил в моём доме, и всё было хорошо. Почему после осмотра императора он заговорил о семейном правиле? Старик, насколько важно твоё семейное правило, что ты отказываешься лечить императора? Ты понимаешь, что перед тобой не обычный слуга из моего дома, а правитель Цзяхэ, небо для народа!

Старик вздрогнул, но упрямо молчал.

— Ты... Эй, люди! Уведите этого... — Князь Чэн, будучи вспыльчивым, уже хотел приказать его казнить.

— Младший девятый, не шали! — император Шэндэ нахмурился. — Разве я не знаю, что семейные правила нельзя нарушать?

Князь Чэн неохотно замолчал, но его злой взгляд был направлен на дрожащего старика, словно он мог убить его одним взглядом.

Су Мин вздохнул в душе. Надежда была потеряна. Он протянул руку, чтобы помочь старику встать, но тот вдруг опустился на колени.

— Ваше величество, не то чтобы я не хочу лечить, просто... мой предок был изгнан из дворца из-за этого яда!

Предок старика был лекарем во времена императора-основателя. Тогда любимая наложница императора, госпожа Линь, внезапно заболела. Она почти всё время спала и в конце концов умерла во сне. Лекарь Ван, тогда ещё молодой и полный энтузиазма, не понимал дворцовых интриг. Он почувствовал что-то странное и сообщил об этом главе Императорской больницы. Тот многозначительно посоветовал ему не вмешиваться, но молодой лекарь не умел читать между строк и с энтузиазмом начал расследование. Всё оказалось так, как он и предполагал: госпожа Линь была отравлена ядом под названием «Сонный мир». Это был медленный яд. Вначале отравленный ничего не чувствовал, но через несколько лет начинал всё больше спать, пока не засыпал навсегда. Тот, кто подсыпал яд, был коварен, раз смог так долго скрывать свои действия. Лекарь Ван, восхищаясь, продолжал собирать информацию, не зная, что за каждым его шагом следили. В ту ночь семья лекаря Вана была уничтожена. Сам он, к счастью, рано потерял сознание, и небрежные убийцы просто выбросили его на свалку, где он выжил.

Проснувшись, лекарь Ван, подобранный стариком-мусорщиком, плакал, понимая, что его энтузиазм погубил всю семью. Разочарованный, он скрылся в деревне, став единственным лекарем. Он записал всё, что помнил из медицинских книг, и передал это своим потомкам, установив правило: «Не входить в императорскую семью».

Старик, обливаясь слезами, рассказал историю своего предка. Он достал свой старый медицинский ящик, который носил с собой десятилетиями, и с любовью погладил его блестящую поверхность. Затем он вытащил бумагу и кисть и быстро написал рецепт.

— Ваше величество, я бесполезен. Я не смог найти противоядие, но разработал лекарство, которое может подавить действие яда. Три дозы в месяц, и ваше величество не будет беспокоиться.

Едва закончив, он поднял свой драгоценный ящик, готовый разбить его.

Но князь Чэн был быстрее. Он схватил ящик и с улыбкой сказал:

— Старик, мы не просим тебя войти в Императорскую больницу. Зачем разрушать его? Сегодня ты лечил просто богатого купца из столицы. Зачем так нервничать? К тому же, разве ты не хочешь найти противоядие?

Слова князя Чэна были для старика как драгоценное лекарство, заставляя его сердце трепетать.

— Это...

Князь Чэн знал, что он всё ещё боится нарушить семейное правило.

— Нам не нужно, чтобы ты входил во дворец. Я оплачу твою клинику, и ты сможешь исследовать там. Если ты найдёшь противоядие, это будет честь для твоей семьи.

Старик вспомнил, как его предки перед смертью сожалели о невозможности найти противоядие. В детстве он поклялся разработать его, но создание подавляющего лекарства не удовлетворило его. Слова князя Чэна были для него искушением. После короткой борьбы он взял ящик, который протянул князь, и согласился.

Император Шэндэ, видя, как его младший брат радуется своему успеху, хотел, как в детстве, ударить его. Хотя брат желал ему добра, его выражение лица было слишком раздражающим!

Таким образом, о отравлении императора Шэндэ знали лишь немногие. К тому же, Чжао Хуайцзинь и Седьмой Теневой были быстро отправлены из чертога Цихуэй, так что знающих стало ещё меньше. Ночью Первый Теневой передал Седьмому письмо, якобы от императора Шэндэ к Се Муцину. Тон Первого был настолько серьёзен, будто в письме было что-то чрезвычайно важное. Седьмой, обманутый, спрятал письмо на груди, не расставаясь с ним даже во сне. Позже Шестой Теневой рассказал ему, что наследный принц, читая письмо от отца, то плакал, то смеялся. Только тогда Седьмой понял, что даже серьёзный Первый Теневой мог шутить. Но это было позже.

На следующее утро Седьмой Теневой и обоз с продовольствием ждали у ворот дома Чжао. Они не могли уйти, так как госпожа Чжао была слишком настойчива. Она уже почти четверть часа говорила с Чжао Хуайцзинем, и её слова не прекращались. Седьмой Теневой пытался намекнуть, что пора идти, но госпожа Чжао ответила:

— Разве твои родители не беспокоятся о тебе, когда ты уезжаешь?

Чжао Хуайцзинь бросил ему извиняющийся взгляд. Седьмой Теневой великодушно улыбнулся. Ничего страшного, он давно был сиротой, и отсутствие родительской заботы было для него нормой. У него были его братья и хороший хозяин, и это было достаточно.

Не обращая внимания на длинный монолог госпожи Чжао, полный недовольства императором, начало этого долгого «путешествия» было приятным.

Время быстро пролетело, и вскоре Чжао Хуайцинъ и его люди вернулись на северо-запад.

Когда обоз с продовольствием приблизился к городским воротам, громкие приветствия толпы вызвали у них волнение. Это было чувство доверия и поддержки народа. Пройдя сквозь толпу, Чжао Хуайцинъ поднял голову и увидел на стене того, кто был воплощением красоты и величия. Он улыбнулся. Они расстались меньше недели назад, а он уже так скучал по нему. Что же будет в будущем?

Народ с радостью проводил обоз в город, а затем привёл их к временному лагерю, где их ждал Се Муцин.

— Я выполнил свою задачу, — Седьмой Теневой опустился на одно колено и с почтением протянул письмо от императора.

Се Муцин с улыбкой принял его и лично помог Седьмому встать, позвав Шестого Теневого, чтобы тот отвёл уставшего Седьмого на отдых.

Недалеко от них подошёл Чжао Хуайцинъ.

— Ацин, я вернулся, — он улыбнулся, его глаза были мягкими и тёплыми, как у настоящего джентльмена.

Се Муцин смотрел на него, чувствуя, как у него защемило в носу. В эти дни он безумно скучал по этому человеку, и его сердце болело от тоски. Узнав, что он прибудет сегодня, он с самого утра ждал его у городских ворот, желая первым увидеть его. Но близкий взгляд был гораздо яснее, чем издали. Всего за несколько дней его лицо похудело, хотя он старался вернуть ему округлость. Се Муцин с досадой подумал об этом.

— Ацин, я вернулся, — человек повторил.

Се Муцин не смог больше сдерживать свои чувства и бросился в объятия Чжао Хуайциня, глубоко вдыхая его запах. Лёгкий аромат орхидеи опьянял его.

Чжао Хуайцинъ сдержал желание обнять Се Муцин и вместо этого провёл рукой по его волосам, глядя их.

— Что случилось? У тебя проблемы?

Его голос был мягким, как будто он успокаивал ребёнка, что заставило Се Муцина почувствовать досаду. Неужели он считает меня ребёнком?

<http://bllate.org/book/17702/1653020>